

толчества в целом, допустить все средства для достижения не только небесных целей. Это та ситуация, о которой Иван и Алеша рассуждают в «Великом инквизиторе»: «— А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова? — Да так и должно быть во всех даже случаях, — опять засмеялся Иван. — Сам старик замечает сму, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано <...> „все, дескать, передано тебею напе и все, стало быть, теперь у папы, а ты хоть и не приходи теперь вовсе“» (14, 228).

Вводя имя Франциска Ассизского в свой роман, Достоевский не мог, да и вряд ли хотел, отвлечься от тех сторон личности и деятельности «серафического отца», стоявшего в начале католического движения, которые были сочувственно восприняты или видоизменены в ходе его дальнейшего развития. За Франциском Ассизским, этим *un chevalier parfait*, автору «Братьев Карамазовых» представлялась фигура Христа, не только согбенного под крестной ношей, но и Христа могущественного, наделенного всеми знаками силы и власти. Вот почему имя «Pater Seraphicus» по отношению к Зосиме (наряду с безусловно почтительным смыслом) в романе Достоевского имеет полемический подтекст. И не случайно, а вполне обдуманно вслед за аттестацией Зосимы, принадлежавшей Ивану и идущей в заключение главы «Великий инквизитор» — «Pater Seraphicus», появляется аттестация автора, выпесенная в название отдельной книги — «Русский инок». Эта новая характеристика Зосимы, не отменяющая предыдущую, а тесно связанная с нею, означала, по замыслу Достоевского, указание на русский способ следования «по стопам Христа» и на русское понимание Христа. Этой теме, к которой задолго до «Братьев Карамазовых» Достоевский то и дело обращался (особенно настойчиво в «Дневнике писателя»), и посвящена в основном книга «Русский инок». Вкратце это русское понимание Христа, противостоящее в сознании Достоевского его западному варианту, было выражено тем же Иваном в предисловии к его поэме: «У нас Тютчев, глубоко веровавший в правду слов своих, возвестил, что

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

Что непременно и было так, это я тебе скажу» (14, 226). Христа, принесшего себя в жертву за грехи «всех и вся», который еще так живо волновал Франциска Ассизского, и должна, по мысли Достоевского, вернуть Западу Россия (проповедь Зосимы, путь Мити Карамазова), с тех пор как там этот кроткий облик страдающего и сострадающего бога был окончательно забыт за дряхлой его статью. В системе воззрений Достоевского такое забвение означало измену идее братской любви и торжество идеи власти и подчинения, торжество Великого инквизитора.

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

И. Д. ЯКУБОВИЧ

ДОСТОЕВСКИЙ В ГЛАВНОМ ИНЖЕНЕРНОМ УЧИЛИЩЕ (Материалы к летописи жизни и творчества писателя)

В предисловии к «Жизни и трудам Ф. М. Достоевского» Л. П. Гроссман писал: «А. С. Долинкин поделился со мною ценными результатами своих разысканий в архивах Инженерного училища, установивших ряд неизвестных дат в истории школьных лет Достоевского». ¹ В тексте летописи эти материалы имеют только ссылку: «сообщил А. С. Долинкин».

Работа над Полным собранием сочинений писателя заставила обратиться к розыскам архива Инженерного училища. Как выяснилось, материалы его были переданы в сентябре 1941 г. из Ленинграда в Центральный государственный военно-исторический архив СССР в Москве. При просмотре описей архива обнаружилось, что против названий многих архивных дел за интересующий нас период с 1837 по 1843 г. имеется глухая помета «выбыло», «нет». Отыскать следы этих материалов не удалось. К ним, к сожалению, относятся списки о получении жалованья с расписками Достоевского, рапорт и приказ о его отпуске, упомянутые Л. П. Гроссманом. ²

В сохранившейся части архива обнаружены «Приказы по Главному инженерному училищу» за 1837—1839 гг. и 1841—1842 гг. ³ Эти приказы, подписанные начальником училища генерал-лейтенантом В. Л. Шарнгорстом, касаются всего учебного процесса в целом. Главным образом это списки преподавателей, распоряжения об их перемещениях и поощрениях, списки учащихся по классам с особыми отметками отличившихся и успевающих, сведения о переводе воспитанников в высшие классы, расписания вступительных, полугодовых и годовых экзаменов.

Среди приказов есть и такие, которые в какой-то мере воскряшают перед нами быт воспитанников (например, предписа-

¹ Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л., 1935, с. 9.

² Там же, с. 35.

³ ЦГВИА, ф. 351, оп. 1, № 6—8, 10—11.

ние, «как кондукторы и офицеры должны раскланиваться на улицах со встречными» или в какой одежде «следует появляться» в театре, на балу и т. п.). Имеется и распоряжение о воспрещении воспитанникам носить камолы и очки, так как «слабые здоровьем не могут находиться в числе учащихся».

В огромном количестве подобных приказов есть и ряд сведений, дополняющих хронологическую канву жизни писателя за 1837—1842 гг. или дающих документальное подтверждение уже ранее известных фактов.

Братья Михаил и Федор Достоевские лето 1837 г. по приезде в Петербург занимались в пансионе К. Ф. Костомарова, подготавливаясь к поступлению в училище. 1 сентября оба они были представлены генералу Шаршгорсту среди других кандидатов к поступлению. «Генерал обошелся со всеми ласково, и всем приказано быть в готовности», — писали братья отцу (П., I, 44).

Приказ по училищу от 2 сентября 1837 г. за подписью Шаршгорста гласил: «По случаю имеющего начаться приемного экзамена кандидатов прошу г-на доктора статского советника Волькенау приступить к освидетельствованию кандидатов начиная с 3-го числа, причем, на основании повеления его императорского высочества генерала-инспектора по Инженерной части, присутствовать г-дам полковнику Ломовскому и подполковнику Фере. Список кандидатов с отметкою состояния их здоровья прошу представить ко мне за общим подписанием». Этому-то медицинскому освидетельствованию и обязан был М. М. Достоевский тем, что по слабости здоровья (кроме того, он еще, страдая сильной близорукостью, носил очки, а это, как видно из приказов, «строго воспрещалось») не был допущен до вступительных экзаменов в училище.

Запись от 8 сентября позволяет восстановить даты приемных экзаменов, предметы, которые должен был сдавать уже один Ф. М. Достоевский, и списки преподавателей, принимающих экзамены у 43 претендентов к поступлению: «15-го числа сего месяца начнется приемный экзамен по следующему расписанию:

Арифметика и геометрия: 15 и 16 числа. Алгебра и геометрия: 17 и 18. Русский язык и география: 20 и 21 числа. История: 22 и 23 числа. Французский язык: 24 числа. Немецкий язык и рисование: 25 числа. Экзаменаторами назначаются:

по Закону божью:	г-н протоиерей Полиектов.
Арифметике и алгебре:	шт.-капитаны Кирпичев и Стенанов.
Геометрии:	капитан Черневский.
Немецкому языку:	г-да титулярные советники Стапкевич и Штерп.
Французскому языку:	г-да надворные советники Трипо, Аккерман, Федри де Пиньи и г-н Бассет.
Русскому языку:	г-н титулярный советник Ивановский.
Истории:	г-н титулярный советник Ивановский и подпоручик Минькин.
Географии:	подпоручик Минькин.
Рисованию:	шт.-капитан Реймерс.

Для экзамена по закону божью определенных дней не назначать, но представляется г-ну протоиерею Полиектову произвести оный в те дни, когда время ему то позволит. Экзамен будет начинаться ежедневно в 8 часов утра».

Следующие сведения, касающиеся Ф. М. Достоевского, относятся уже к 1838 г.

Приказ от 16 января:

«На открывшиеся в кондукторской роте вакансии пенсионеров с утверждения его императорского высочества генерал-инспектора по Инженерной части, зачисляются следующие кандидаты.

Кондукторами:

1. Перебаскин Александр	15 лет	4 ⁴
2. Куроедов Иван	17 »	4
3. Тотлебен Густав ⁵	14 »	4
4. Тизенгаузен	16 »	3
5. Готовский Михаил	17 »	3
6. Князь Волконский Владимир	17 »	3
7. Патош Оскар	14 »	4
8. Везобразов Федор	17 »	3
9. Головачев 1-й Александр	15 »	3
10. Тизенгольд Роберт	14 »	4
11. Достоевский Федор	15 »	2
12. Гариновский Константин	15 »	4
13. Паукер Ермолай	14 »	3
14. Каврайский Василий	14 »	4
15. Осипов Павел	16 »	3
16. Головачев 2-й Николай	14 »	4
17. Родионов Виктор	15 »	4
18. Руссау Евгений	14 »	4
19. Моисеико-Великий Василий	14 »	4
20. Хлебников Константин	15 »	4
21. Обресков Александр	16 »	4
22. Яшинский Александр	14 »	4
23. Адам Вильгельм	15 »	4

Вследствие сего предписываю вышеозначенных кандидатов по спискам кондукторской роты зачислить налицо кондукторами и на верность службы привести к присяге». На приказе помета: «При собрании рот было читано».

Сведения данного приказа позволяют прокомментировать письма братьев Достоевских к отцу. М. М. Достоевский писал: «Брат держал экзамены с честью. Мы наверно полагали, что он будет в числе первых <...> Несмотря на все это он стал 12-м; ибо теперь, вероятно, смотрели не на знания, но на лета и на

⁴ Цифра указывает средний балл, полученный на экзаменах.

⁵ У Достоевского в письмах (П., I, 173, 180) и у Григоровича в воспоминаниях о годах учения в Инженерном училище (Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 43) упомянут их одноклассник Адольф Тотлебен, младший брат Э. И. Тотлебена. Среди биографических материалов героя Крымской войны Э. И. Тотлебена приводятся сведения лишь об одном его брате. Ср.: Шильдер П. Граф Э. И. Тотлебен, его жизнь и деятельность, т. 1. СПб., 1885, с. 5. Видимо, в списке кондукторов дано другое его имя. Полное его имя было Адольф-Густав.

время, с которого начали учиться. Поэтому первыми стали почти все маленькие и те, которые дали денег, т. е. подарили» (П., IV, 229). В приведенном выше списке принятых пенсионеров Достоевский числится, правда, не двенадцатым, а тринадцатым; этот факт, огорчивший «брата донельзя», не объясняется, конечно, возрастом, среди названных первыми есть лица старше Достоевского, а лета будущего писателя, возможно специально, уменьшены. Ему шел тогда уже семнадцатый год. М. М. Достоевский одной из главных причин отказа ему в приеме считал то, что оба брата вступали в один год и на казенный счет (П., IV, 229). Однако в училище было довольно много братьев. В списках зачисленных в 1838 г. было, например, два Головачева, одновременно обучались братья Тотлебены. На казенный счет не был принят и Ф. М. Достоевский, за него было внесено А. А. Куманиным 950 руб. серебром.

Достоевский имел средний балл — три. Этот балл учитывал и занятия «по фронту», и успехи в рисовании. Экзамены по этим предметам проводились в училище после основных экзаменов, с сентября по январь. Судя по приказам, этим предметам в училище придавалось особое значение, а именно в них Достоевский отставал. Он писал отцу несколько позднее: «Я плохо рисую, как Вам известно <...> и это мне много повредило <...> на рисовании смотрят более математики» (П., IV, 237).

Сохранились «Списки воспитанникам Главного инженерного училища с аттестациею по поведению и по фронту и кто из них подвергнулся за поступки взысканию»⁶ за 1838 г., подаваемые в канцелярию училища ежемесячно. При высшей оценке в 10 баллов Достоевский, идущий в списке кондукторов семьдесят четвертым, за январь 1838 г. имел по поведению 5, по фронту 2, за февраль — соответственно 5 и 3, за март—июнь — 5 и 4, за июль и август — 6 и 4, за сентябрь — 6 и 5, за октябрь—ноябрь — 6 и 4 балла. А 3 января 1839 г. по училищу был отдан приказ: «По представленной командиром кондукторской роты полковником Фере аттестации о поведении и знании фронтовой службы кондукторов за декабрь 1838 г. по фронтовой службе оказываются слабыми...» — далее в числе тринадцати других воспитанников назван Ф. М. Достоевский. Из этих отстающих было предписано «составить особую команду и проводить им ежедневное учение». Недаром М. М. Достоевский писал отцу о брате: «Их очень много мучают фронтом» (П., IV, 233), а сам Федор Михайлович о «фрунтовых учениях» и позднее, в годы солдатчины, вспоминает с содроганием (П., I, 145—146).

В письме к отцу М. А. Достоевскому от 4 февраля 1838 г. Достоевский сокрушается о своей большой загруженности: «Возьмите, что с раннего утра до вечера мы в классах, едва успеваем следить за лекциями. Вечером же мы не только не имеем свободного времени, но даже ни минутки, чтобы следить хоро-

шенько на досуге днем слышанное в классах. Нас посылают на фрунтовое учение, нам дают уроки фехтования, танцев, пения... Наконец ставят в караул и в этом проходит все время» (П., IV, 235).

Приказы начальника училища дают возможность проследить за ходом учебного процесса детально. Кондукторы всех четырех классов и офицеры верхнего и нижнего классов должны были сдавать экзамены трижды в год: третные, полугодичные и годичные. Каждый раз сдавалось до десяти предметов. Поступив в середине января 1838 г. в третий кондукторский класс (минуя низший четвертый), Достоевский уже в апреле держал третной экзамен. В приказе за 24 марта 1838 г. читаем: «По случаю праздника светлой недели ученье в классах прекращается в субботу 26-го марта до 11 апреля. По сему предписывается: 1) Всем чинам, к Училищу принадлежащим, на страстной неделе по долгу христианскому приобщиться св. тайн. 2) Во время праздников кондукторам строго соблюдать правила, означенные на отпусковых билетах, и на улице быть всегда чисто и совершенно исправно одетыми, исполняя с точностью все, что к наблюдению предписано. 3) В понедельник 11-го апреля начнется третной экзамен <...> По сему приглашаю обучающихся офицеров, а равно и кондукторов пользоваться предстоящим свободным временем для повторения наук и для приготовления себя надлежащим образом к сему экзамену». Экзамены Достоевскому предстояли по следующим дисциплинам: 11 апреля — география и французский язык, 12-го — алгебра и немецкий язык, 13-го — история, 14-го — русский язык, 16-го — закон божий, 20-го — геометрия, 22-го — смотр чертежей.

Май 1838 г. был занят подготовкой к «пышному блестящему майскому параду, где присутствовала вся фамилия царская» (П., IV, 237), а 7 июня уже был отдан приказ о выступлении в летние лагеря: «Вследствие приказания по военно-учебным заведениям от 6-го июня о выступлении в лагерь 11-го числа июня, кондукторские классы сего числа кончаются. Вследствие сего предписываю: 1) Взятые кондукторами из библиотеки книги сдать обратно в оную 8-го числа в 8 часов утра. 2) Сдать в библиотеку для хранения классные чертежи. 3) Занятия в лагерях должны состоять из решения геометрических практических задач и в съемке и нивелировании местности, в разбитии и дефилировании полевых укреплений и в производстве саперных и липейных работ». Далее следует предписание повторять в лагерях «пройденные в классах предметы», «дабы приготовить себя к имеющему быть после лагеря экзамену».

Лагерная жизнь под Петергофом продолжалась два месяца. 16 августа 1838 г. в кондукторских классах возобновились занятия. Сразу же появились распоряжения о подготовке к годичному экзамену. «Экзамен имеет пачаться рассматриванием рисунков, и только те офицеры и кондукторы будут допущены к дальнейшему экзамену по наукам, у коих рисунки в исправности, осталь-

⁶ ЦГВИА, ф. 351, оп. 1, № 522.

ные же затем в науках экзаменованы не будут и останутся в том же классе на другой год». Смотр рисунков состоялся 30 сентября, а с 1 октября начались годичные экзамены. Сдавались те же предметы, что и в апреле, а закончилось все 26 октября публичным экзаменом. Результатом его был перевод в следующий класс. В списках переведенных учащихся Достоевский не значился. Об этом он писал отцу 30 октября 1838 г.: «Еще лишней год дрянной ничтожной кондукторской службы!» (П., I, 49).

В феврале 1839 г. Достоевский снова сдает полугодичный экзамен. Никаких сведений об успехах его зафиксировано в приказах не было. К счастью, этот курс был ускоренный — в мае состоялся годичный экзамен. 11 июля 1839 г. был отдан по училищу приказ: «На основании годичного экзамена и состоявшейся по оному конференции в присутствии всех г-д преподающих переводится в высшие классы: <...> Во 2-й кондукторский класс: <...> № 3. Достоевский <...> № 6. Григорович». Д. В. Григорович поступил в училище на год раньше Достоевского, но Федор Михайлович был принят сразу в третий кондукторский класс. Григорович же, учившийся не блестяще, отстал, и, таким образом, они учились в 1839 году в одном классе. Затем Григорович ушел из училища. Он писал: «Пройдя каким-то образом во второй класс, предшествующий последнему, я пришел к сознанию, что дальше идти нет мне возможности».⁷

Дальнейший путь Достоевского вплоть до окончания училища был благополучен. Никаких особых замечаний о нем в приказах не встречается. Лето 1839 г., с 22 июня по 6 августа, кондукторы провели под Петергофом, а 16 августа вновь начались занятия, продолжавшиеся до 21 декабря, т. е. до рождества. Со 2 января 1840 г. проходил полугодичный экзамен. Во втором кондукторском классе экзаменовались: 3 января по алгебре, 4-го — по русской словесности, 5-го — по фортификации, 8-го — по истории, 9-го — по немецкому языку, 10-го — по артиллерии, 11-го — по французскому языку, 12 января состоялся смотр чертежей.

За 1840 г. указы по училищу не сохранились. За 1841 г. сохранились расписания полугодичных и годичных экзаменов. В январе 1841 г. Достоевский, будучи в первом кондукторском классе, должен был сдать: 7 января — фортификацию, 8-го — историю, 9-го — французский язык, 11-го — аналитику, 13-го — геодезию, 14-го — закон божий и начертательную геометрию, 15-го — физику, 17-го — архитектуру, 18-го — ситуацию и русскую словесность. В апреле же начинался годичный экзамен, которым заканчивался четырехгодичный курс обучения в кондукторских классах. Слова сдавались: 22 апреля — аналитика, 26-го — геодезия, 29-го — начертательная геометрия, 3 мая — фортификация, 7-го — артиллерия, 10-го — физика, 13-го — французский, 16-го — русский язык, 21-го — история, 24-го — архи-

⁷ Григорович Д. В. Литературные воспоминания, с. 51.

тектура, 27-го — закон божий, 28-го — черчение (фортификация), 31-го — черчение (архитектура), 2 июня — черчение (начертательная геометрия) и 3 июня — черчение (ситуация).

Достоевский имел полное право воскликнуть: «Ах, брат, если бы ты только имел понятие о том, как мы живем!»; и далее: «Такое зубрение, что боже упаси, никогда такого не было. Из нас жилы тянут, милый мой» (П., I, 61, 62). Можно только удивляться, как при такой загруженности Достоевский успевал прочесть все те книги, о которых он пишет брату («весь Гофман русский и немецкий», «почти весь Бальзак», Гете, Ж. Санд, Гюго, «вызубрил Шиллера», Полевой, Платобриан и др.).

Июль 1841 г. кондукторы провели опять в лагере под Петергофом. 9 августа по училищу был отдан приказ о переводе Достоевского в нижний офицерский чин. Здесь же приказ о его производстве: «Высочайшим его императорского величества приказом в 5 день августа 1841 г. производится из кондукторов в полевые инженеры-прапорщики». Достоевский был среди лучших, «испособные» были представлены в гарнизонные инженеры. Для будущего писателя начался с этого момента новый этап жизни. Кончилась поднадзорная жизнь в стенах Инженерного замка, началась «вольная», «независимая» (П., I, 65) жизнь — прапорщики-офицеры могли жить уже на частной квартире.

В нижнем офицерском классе приступили к занятиям 18 августа. Сохранились расписания полугодичных и годичных экзаменов. 17 января Достоевский сдавал дифференциальные и интегральные исчисления, 19-го — фортификацию, 22-го — статику, 23-го — тактику, 24-го — строительное искусство и состоялись смотр чертежей. Перерывы в занятиях были только по случаю рождественских каникул, с 23 декабря по 2 января, и нахальных, с 3 по 19 апреля. Год закончился вновь экзаменом. 19 мая сдавались дифференциальные и интегральные исчисления, 22-го — статика, 25-го — физика, 27-го — начертательная геометрия, 30-го — тактика, 2 июня — строительное искусство, 4-го — фортификация, 6-го — смотр чертежей. 21 июня 1842 г. «г-да офицеры нижнего класса отправляются в селение Колтуши для практической съемки».

Летом офицеры должны были составить отчеты о проделанных работах. «По рассмотрению журналов и планов, представленных г-дами обучающимися офицерами о практических занятиях своих в продолжение сего лета, оказывается следующее...». Далее следуют небольшие рецензии на журналы каждого офицера. Отзыв о работе, представленной офицером Достоевским, был сравнительно с другими очень кратким: «Журнал составлен на скорую руку и хотя в нем нет больших ошибок, но не мешало бы более подробное изложение работ, вообще видно, что к составлению его мало приложено старания». 5 августа — приказ о переводе Достоевского в высший офицерский класс.

19 августа в книге приказов зафиксировано: «Его императорское высочество генерал-инспектор по Инженерной части от

15 сего августа за № 37 изволил отдать по Инженерному корпусу следующий приказ: высочайшим его императорского величества приказом, последовавшим августа в 11 день, производится по экзамену состоящие при Главном инженерном училище полевые инженеры: «...» из прапорщиков в подпоручики — Достоевский...» и т. д.

Начался последний учебный год для Достоевского в Инженерном училище.

С 10 декабря 1842 г. офицеры сдавали полугодичный экзамен: 10-го — законоведение, 11-го — фортификацию, 12-го — строительное искусство, 14-го — минералогию, 15-го — химию, 17-го — теоретическую механику, 19-го — прикладную механику, 21-го — закон божий и после перерыва с 23 декабря по 2 января происходил смотр чертежей. Приказы по училищу за 1843 г. не сохранились.

А. В. ДРУЖИНИН О МОЛОДОМ ДОСТОЕВСКОМ

(Публикация А. Л. Осовата)

Литературное наследие Александра Васильевича Дружинина (1824—1864) — беллетриста, критика, переводчика — собрано и изучено далеко не во всем объеме.¹ Этому не приходится удивляться, если принять во внимание признание Дружинина в его неопубликованной автобиографии: «Полного собрания своих сочинений не издавал, списка им не имеет». ² Отсутствие точного представления о работах Дружинина этих лет затрудняет и анализ того существенного сдвига в его воззрениях (на рубеже 1840—1850-х годов), который определил переход воспитанника «натуральной школы» на позиции защитника теории «чистого искусства». ³ Цель настоящего сообщения — внести в оборот отрывок из неизвестной статьи Дружинина 1848 г., который содержит примечательный отзыв о творчестве молодого Достоевского.

Датировка статьи не вызывает сомнений: даже дошедшему до нас фрагменту очевидно, что она построена по типу ежегодных обзоров русской литературы, практиковавшихся в критике со времен Белинского; поскольку же речь здесь идет о произведениях, появившихся в 1848 г., то работу над статьей следует отнести к концу этого года. Ревозно предположить, что статья предназначалась для «Современника» (где тогда Дружинин исключительно сотрудничал), по в первом номере этого журнала за 1849 г. появился аналогичный обзор П. В. Анненкова — «Заметки о русской литературе прошлого года». ⁴ В «Современнике» одновременно

¹ См., например, публикации последних лет: Герштейн Э. Новый источник для биографии Лермонтова. Незнакомая рукопись А. В. Дружинина. — Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 615—644; Зельдович М. Г. Неопубликованная статья А. В. Дружинина о Некрасове. — Некрасовский сборник, т. IV. Л., 1967, с. 241—266.

² ГИБ, ф. 265, № 1, л. 2 об.

³ См.: Чуковский К. Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934, с. 11—76; Егоров В. Ф. Очерки по истории русской литературной критики середины XIX века. Л., 1973, с. 48—51, 79—80; Рыблева Т. Ф. А. В. Дружинин в «Современнике» пачала 1850-х годов («История одной картины»). — В кн.: Н. А. Некрасов и его время, вып. IV. Калининград, 1979, с. 137—142.

⁴ См.: Современник, 1849, № 1, отд. 3, с. 1—28. Анненков, очевидно, написал статью еще осенью 1848 г., до отъезда в Сибирь (см.: Егоров В. Ф. П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х годов. — Учен. зап. Тартуского унив., 1968, вып. 209, с. 65), что могло каким-то образом остаться неизвестным Дружинину.

с обзором Анненкова увидели свет роман Дружинина «Жюль» и первое его «Письмо ипогородного подписчика...» о русской журналистике, где, сочувственно рецептируя «Белые ночи»,⁵ он, однако, не использовал материал интересующей нас статьи. И в двух следующих «Письмах ипогородного подписчика...», содержащих отзывы о «Петочке Незвановой»,⁶ публикуемый ниже фрагмент не отразился.

Первое «Письмо ипогородного подписчика...», датированное декабрем 1848 г., было первым выступлением Дружинина в качестве литературного критика (если не считать статью «Джамс Фенимор Купер», написанную вероятнее всего Дружининым,⁷ но все же не имевшую отношения к текущим процессам в отечественной словесности). Поскольку логично предположить, что новую форму ежемесячных обзоров Дружинин решил ввести в «Современнике» только после того, как узнал о «приоритете» Анненкова по отношению к ежегодным обзорам, то интересующую нас статью можно рассматривать как его несостоявшийся критический дебют.

Начало критической деятельности Дружинина совпало с «мрачным семилетием», когда он потерял надежду на то, что его беллетристика, следовавшая канонам «натуральной школы», имеет шансы на прохождение в печать. Как раз 17 января 1849 г. цензура запретила повесть «Воспитанница»,⁸ и отныне повествовательные и драматургические опыты Дружинина носили уже иной характер. Возможно, его отход от традиций 40-х годов объясняется не только прагматическими соображениями и он испытывал в ту пору внутренний кризис (как следствие общего кризиса «натуральной школы»), — как бы то ни было, упреждающий фрагмент из статьи 1848 г. зафиксировал эстетическое «брожение». Дело даже не в том, что из всех произведений Достоевского, написанных между «Бедными людьми» и «Белыми ночами», Дружинин выделил «Двойника» (что не соответствовало итоговой оценке этой повести, данной Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»⁹); гораздо более существенно, что, определяя конфликт «Слабого сердца» как «антагонизм, несогласие» «духовной природы» человека с «жизненными событиями», критик отметил устарелость и вторичность этой «мысли». Очевидно, что упрек в подражании Шекспиру, Пушкину и другим писателям адресован — в этом контексте — прежде всего прозаикам «натуральной школы», которые часто описывали трагедию обездоленного человека, сокрушенного «первой радостью, первой улыбкой судьбы». В отличие от критики 40-х годов Дружинин не стремился предсказать дальнейший путь писателя, не наставлял его: как можно судить по данному фрагменту, статья не предполагала каких-либо итоговых выводов.

За исключением повести «Полинька Сакс» (1847), память о которой (как показывает работа над «Бесами» и «Подростком») надолго сохранилась в творческом сознании Достоевского, литературная деятельность Дружинина воспринималась писателем с неизменным скепсисом и даже враждебно. В первом дошедшем до нас письме брату после каторги (от 22 февраля 1854 г.) читаем: «... от Дружинина тонит» (П., I, 140). «Пореписчик» (т. е. «Иногородный подписчик») высмеивается в «Селе Степачиков» (см.: 3, 70); негативные упоминания о Дружинине встречаются и в публицистике 60-х годов (см.: 20, 82, 84). Однако, как уже отмечалось комментаторами (см.: 2, 488), изменения, внесенные Достоевским в текст «Белых ночей» в 1860 г., были сделаны без влияния упо-

⁵ См.: Современник, 1849, № 1, отд. 5, с. 43—44; Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6. СПб., 1865, с. 14—15.

⁶ См.: Современник, 1849, № 2, отд. 5, с. 185—187; № 3, отд. 5, с. 67—69; Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6, с. 27—29, 63—66.

⁷ См.: Современник, 1848, № 7, отд. 3, с. 1—20. Ср.: Богград В. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, с. 492.

⁸ Сохранился цензурный экземпляр этой повести (см.: ГИБ, ф. 265, № 6).

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1955, с. 40—41.